

**«Спецкартотека» ГАУ НКВД СССР и ее следы в петербургских архивах:
история, состояние, проблемы использования**

1. Реорганизация архивного дела в СССР второй половины 1930-х гг. привела к передаче в 1938 г., согласно постановлению Президиума Верховного Совета СССР, управления государственными архивами страны в ведение НКВД СССР. В структуре общесоюзного наркомата появилось Главное архивное управление, в подчинение которого перешли важнейшие комплексы документов, образовавшие сеть центральных государственных архивов общесоюзного значения. До этого ряд центральных архивов продолжал находиться в ведении ЦАУ РСФСР: Центральный архив Октябрьской революции, Центральный архив революции, Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, Центральный межевой архив, Архив народного хозяйства, Архив внутренней политики, культуры и быта и др. Упразднение ЦАУ РСФСР и передача ГАУ НКВД СССР руководства всеми направлениями архивного дела создали условия для жестко централизованного управления архивной сферой через отделы НКВД союзных республик, а также ускорили оформление государственного архивного фонда СССР.

2. Помимо унификации и централизации управления архивным делом, эти меры повлекли за собой еще одно последствие. Секретным циркуляром ГАУ НКВД СССР № ж-707 от 21 сентября 1939 г. нарком Л.П. Берия привлек своих новых подчиненных к решению генеральной задачи наркомата. Сотрудникам архивов поручалось выявлять в исторических документах сведения о потенциальных противниках режима (государственные служащие, военнослужащие, полицейские и тюремные служащие, «провокаторы» царского правительства, Временного правительства, антибольшевистских режимов периода гражданской войны; члены монархических, либеральных, националистических политических партий, союзов и обществ; участники антизабастовочного движения, и др.). Списки выявленных лиц, а также составленные по утвержденному формуляру карточки (1) название архива, фонда, номер описи и единицы хранения; 2) фамилия, имя, отчество, прозвище; 3) дата и место рождения; 4) род занятий и место работы; 5) политическое прошлое; 6) наличие судимости; 7) характер документа, из которого взяты сведения; 8) дополнительные сведения) пересылались в ГАУ НКВД СССР, где была сформирована «Картотека на лиц, скомпрометировавших себя перед Советской властью», использовавшаяся в оперативно-розыскных целях. Картотека служила поисковым аппаратом к присланным спискам-справочникам. С 1940 г.

добавлялись новые категории: полицейские и военнослужащие Польши, Бессарабии, прибалтийских республик; с 1941 г. стали поступать сведения о лицах, сотрудничавших с нацистскими оккупантами. К середине 1950-х гг. на учёте состояло уже 36 категорий. В 1956 г. картотека была выведена из оперативно-ведомственного подчинения; в 1957 г. из отдела использования ГАУ была передана в его архив. Картотеку предполагалось пересистематизировать: разобрать карточки по принадлежности к союзным республикам и к регионам РСФСР. Эта работа тоже не была завершена (разобраны разделы алфавита «А-Г» и частично «Д»). Остатки спецкартотеки были обнаружены архивистами в 1992 г. Уцелело 843 ящика картотеки, содержащие около 1.500.000 – 1.600.000 карточек. Картотека составлялась по алфавитно-территориальному принципу. После ряда перевозок каталог картотеки большей частью утрачен, и две трети картотеки упорядочено только по алфавитному перечню фамилий.

3. Остается открытым вопрос о цели ее составления. С точки зрения В.Е. Корнеева и О.Н. Копыловой (1992), спецкартотека составлялась как инструмент репрессивного аппарата тоталитарного режима. Однако наиболее массовые репрессии «по спискам» (инженеров, офицеров, национальных активистов и т.п.) к моменту появления упомянутого «инструмента» уже состоялись, т.е. как оперативный инструмент спецкартотека опоздала. Первые списки-справочники и карточки спецкартотеки (рассматривать их имеет смысл именно в совокупности) поступили в ГАУ НКВД СССР в 1940-1941 гг.; в ряде архивов к исполнению циркуляра № 707 приступили еще позже (в 1943 г.). По сохранившимся материалам картотеки можно предположить, что она использовалась в том числе и для проверки запросов. В ряде сохранившихся карточек в графе «политическое прошлое» рядом с указанием категории учета («монархист» или «член Союза русского народа») имеются карандашные пометки «государственные архивы подтверждают» или же «государственные архивы не подтверждают».

4. До сих пор картотека практически не попадала в круг внимания исследователей. В период ее функционирования доступ к ней был заведомо ограничен. После вывода из оперативного обращения спецкартотека была отделена от списков-справочников, неотъемлемой частью которых являлась. Списки, по материалам которых составлялась картотека, были переданы в ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ) и хранятся в фонде Главархива СССР (Ф.Р-5325, оп. 8с, 1787 дел). Картотека в 1963 г. была передана на хранение из ведомственного архива Главархива СССР в ЦГАСА СССР (ныне РГВА), откуда в 1969 г. перевезена в Центр хранения страхового фонда (г. Ялуторовск). В 1998 г. в связи с тем, что списки-справочники хранятся в ГАРФ, спецкартотека также была передана в ГАРФ, но свое место хранения в г. Ялуторовске фактически не покинула. По мнению

составителей справочника-путеводителя, необходимости в этом не было, поскольку в нынешнем состоянии спецкартотека не до конца упорядочена и по своей полноте проигрывает спискам-справочникам (количество карточек в картотеке меньше, чем число упомянутых в списках-справочниках лиц). Но списки-справочники в фонде ГАРФ все еще засекречены.

5. Материалы картотеки, несмотря на слабую приспособленность ее в существующем виде для работы исследователя, представляют собой содержательный источник вторичного характера, позволяющий получить данные о личном составе монархических организациях империи. Создание электронной базы данных на ее основе существенно ускорит этот процесс.

6. Реконструировать рассыпанную «спецкартотеку» можно не только «сверху», но и «снизу» - через поиски ее следов в региональных архивах, направлявших данные в ГАУ. Такие следы уже удалось отыскать в рассекреченных документах ЦГА СПб. Сотрудники ГАОРСС ЛО подготовили списки членов партий и союзов, сгруппированные по фондам. Списки были направлены в ГАУ для составления центральной картотеки. Копии их отложились в архиве и использовались для составления ответов на запросы региональных органов НКВД. Едва ли это было уникальной практикой ленинградских архивистов. Таким образом, можно предположить, что существовала не только центральная оперативная картотека, но и ее «филиалы».

7. Несмотря на принадлежность к единому наркомату, взаимодействие между архивами и следственными органами НКВД осложнялось внутриведомственной спецификой и взаимным непониманием чекистов и архивистов. Карточки, заполнявшиеся по материалам исторических документов, по ряду категорий учета имели невосполнимые пробелы. Запросы следственных органов по умолчанию подразумевали знакомство адресатов с данными текущей криминальной статистики, которой сотрудники «исторических» архивов не владели. С ходом времени все большая часть фигурантов, упоминаемых в картотеке, выбывала из круга интересов следственных органов в силу возраста. При подготовке ответов на запросы 1946-1953 гг. использовалась уже только самая поздняя часть составленных для картотеки списков — списки участников эмигрантской организации младороссов. Указанные обстоятельства, на мой взгляд, позволяют отчасти ответить на вопрос, по какой причине спецкартотека к середине 1950-х гг. перестала представлять интерес для следственных органов и была выведена из оперативно-ведомственного подчинения, и почему продолжает быть любопытной для историков.